

Николай Шолохов

ПРЫГАЙ. БЕГИ. ЗАМИРАЙ

КомпасГид
издательский дом

Николай Шолохов
Прыгай. Беги. Замирай

ИД "КомпасГид"

2022

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шолохов Н.

Прыгай. Беги. Замирай / Н. Шолохов — ИД "КомпасГид", 2022

ISBN 978-5-00083-763-4

После пережитой трагедии речь пятнадцатилетнего Димы превратилась в череду повторяющихся звуков. Слушать у парня получается лучше, чем говорить. Терпеть молча насмешки одноклассников и пьющего отца – трудно, проще болтаться по городу, возвращаясь к ночи. Но молчать он больше не может! Ритм Санкт-Петербурга ведёт Диму за собой и показывает ему другую жизнь. Появляются новые друзья со странными именами – спокойный Псих, насмешливый Кот, чуткая Солнышко. Они открывают ему брейк-данс – искусство превращать историю в пульс, движение. Прыгай, беги, замирай – так это выглядит со стороны. Но этот набор понятных шагов и движений оказывается выразительнее слов. Теперь Дима готов заявить о себе. Невероятно эмоциональная, местами трагичная, но в итоге очень жизнеутверждающая повесть Николая Шолохова принесла ему победу в номинации «Young adult» конкурса «Подросток N». «Прыгай. Беги. Замирай» – о воскрешающей силе творчества, собственной внутренней силе и о том, как важно обрести свой голос.

УДК 821.161.1-3-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00083-763-4

© Шолохов Н., 2022
© ИД "КомпасГид", 2022

Содержание

Step 0. Silence. Тишина	6
Step 1. The Call. Зов	7
Step 2. Foundation. Основа	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Шолохов

Прыгай. Беги. Замирай

© Шолохов Н., текст, 2022

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

* * *

*Если немой напишет своё имя на колоколе, он обретёт голос.
Старинное европейское поверье*

Step 0. Silence. Тишина

Дар слова. Им он не обладал никогда. Как бы сильно ни хотел. Как бы яростно ни рыдал.
Как бы неистово ни бил в стену кулаками.

Тщетно. Он был лишён этого дара.

Stress. Акцент.

Change of level. Смена уровня.

Next level. Следующий уровень.

Step 1. The Call. Зов

Так же сильно, как и в физическом мире, сайфер (круг) находится в мире звуков. Когда опытных би-боев спрашивают об их первых воспоминаниях, связанных с хип-хопом, они почти всегда выделяют далёкое эхо ломаного ритма в качестве одного из самых важных элементов всего пути¹.

Joseph G. Schloss., из книги «Foundation: B-boys, B-girls and Hip-Hop Culture in New-York»

Вокруг него толпится множество людей. Он чувствует себя словно в западне. Толпа зажимает его в тиски, и несколько мучительно долгих секунд он не может пошевелиться. Ужас. Отнятая свобода движения – отсутствие спасительного глотка воздуха – и невозможность обратиться к этим людям. Да и зачем?

Может, для того, чтобы им помочь. Или, наоборот, получить помощь. Просто поговорить. Найти друга, найти семью, найти любовь. Найти себя. Потерять себя. Вернуть себя.

Beat. Пауза.

Это невозможно.

Металлический зев чудовища проглатывает его. Остается лишь скрыться, развоплотиться в чудовищных недрах, стать никем и ничем, биомусором, нелепой маской, размалёванной куклой, пустым мешком из кожи и костей, немим манекеном с маркировкой «Дмитрий Волчков».

Он прикладывает к сканеру магнитную карту. На экране турникета загораются зеленые цифры оставшихся поездок. Потолкавшись немного в проходе, он идет к эскалатору. Идеально чистые, блестящие чёрные кроссовки с белой прослойкой подошвы и логотипом-галочкой встают на ступень металлической ленты.

Слева и справа от него сразу же возникает бесконечный биоконвейер. Мужчины и женщины. Дети и взрослые. Молодые и старые. Блондины и блондинки, брюнеты и брюнетки, рыжие. С вьющимися волосами, с прямыми волосами, без волос. В чёрных куртках, в белых куртках, в зелёных куртках. С зонтами в руках, с зонтами в ногах, с зонтами в сумках. С улыбкой, с бутылкой, с посылкой. Задумчивые, весёлые, пьяные. Всякие.

От девушки рядом с ним приятно пахнет духами последней осенней коллекции. Ловко придерживая сумочку на сгибе локтя, она печатает своей подруге «уже поднимаюсь» и слегка улыбается. Через несколько ступенек от неё серьёзный человек в кожаном пальто и широкополой шляпе читает «Постороннего» Камю. По соседнему эскалатору неторопливо идёт флегматичный рослый мужчина. Молодой армянин, который спускается следом, поневоле сбавляет ход, с раздражённой улыбкой глядя мужчине в затылок.

Обычная сентябрьская пятница, обычная станция метро. Необычный город, Санкт-Петербург.

Дима всматривается в бесконечный калейдоскоп лиц, по привычке пытаясь найти в нём одно, знакомое и особенное. Её лицо.

Её тёмно-каштановые глаза со звёздочкой-искоркой в глубине. Её шёлковые волосы, её улыбку, её руки, её, её, её... стоп-стоп-стоп. Её лица здесь нет и быть не может.

Transition. Переход.

¹ Здесь и далее эпиграфы-цитаты из книги даны в переводе автора.

Дима переводит взгляд на спину человека, стоящего перед ним на эскалаторе. Точнее, на белый рюкзак с затейливым рисунком из разноцветных прямоугольников. В них смутно угадывается что-то знакомое...

Freeze! Замри!

Фруктовое мороженое в холодильнике со льдом, лето 1995 года, пляж. Морские волны лениво треплют песчаный берег. Смех, жара, солнце. Ему три года, и, кажется, он счастлив.

– Димочка, хочешь фруктового льда?

– Хотю.

Высокая красивая женщина в изящной соломенной панамке и синем платье улыбается темноволосому, остроглазому мальчику. Она достаёт кошелёк, отсчитывает купюры и протягивает их продавцу. Он что-то шутит, мама улыбается. Но Дима замечает, что её улыбка уже другая, совсем не похожая на ту, которой она улыбалась ему секунду назад. Эта – для чужих. Слабая, чуть-чуть беззащитная.

Они садятся на скамейку, и мама протягивает ему фруктовый лёд на палочке. Дима начинает с энтузиазмом его глотать – и сразу же больно ударяется зубами об твёрдое лакомство. Мама сочувственно смеётся.

– Подожди чуть-чуть, пока подтает.

Но он не может ждать и жадно вгрызается в лёд, неуклюже проведя им по щекам и носу.

– Ты замазался, сынок. – Мама ловким движением фокусника материализует в руках салфетку и, наклонившись к нему, вытирает его сияющее личико.

– Вкусно?

– Ага!

– А у меня для тебя подарок.

Из сумочки появляется тёмно-синий волчок. Мама кладёт его на асфальт и – РАЗ! – раскручивает. Дима заворожённо следит за его циклическим движением...

– Нравится? – Сияющие от счастья глаза служат ей ответом. – С днём рождения, сынок!

А с моря дует свежий ветер, и мамины волосы развеваются в лучах яркого солнца. Одна из прядей легонько щекочет мальчику нос, играясь, словно небольшая весёлая собачонка. И Дима смеётся по-детски беспечно, а во рту ещё приятно немеет небо, и в руке зажато мороженое – бесценное сокровище, на которое он бы не променял всё богатство мира.

У его ног вращается волчок, а вокруг – целая Вселенная.

Около выхода с пляжа их ждёт папа. Он немного раздражён, ведь они опаздывают, а на сегодня запланирована куча дел: экскурсия по катакомбам, на которой будет жуть как скучно, но, может, и капельку интересно, затем они хотели перекусить где-нибудь в укромном месте... но это будет уже потом... то есть это было потом. Было...

Stop! Стоп!

Acceleration. Ускорение темпа.

Дима смотрит на цепочку людей, едущих по соседнему эскалатору. Неопрятная женщина лет сорока пытается наскоро перевязать свой шарф.

И снова эти цвета: белый, светло-коричневый, чёрный. Три тонкие красные полосы сбоку.

Он видел этот шаблон миллион раз. Он видел его в виде шарфа, в виде пледа, в виде рубашки, в виде пальто. Он видел его на термосе, на покрывале, на платке. Как-то раз он даже видел кресла и диваны, обтянутые этим обезображивающим клетчатым рисунком. Этот узор преследовал его.

Freeze! Замри!

Он идёт в школу. Осенние листья падают, падают, падают на асфальт. Ветер подбирает их и несёт к последнему приюту. Слабый дождь лениво постукивает по асфальту. Лёгкая дымка

обволакивает опавшую крону, стелется меж изогнутых силуэтов осин и клёнов, оседает на запотевших окнах трамвая. Дима, словно в полусне, чертит на мутном стекле своё имя.

Acceleration. Ускорение темпа.

Школьный коридор. Шестой класс. Он, как обычно, забился в дальний уголок и читает учебник по русскому языку. Сегодня они будут писать контрольную, а потом на уроке литературы ему придётся рассказывать наизусть стихотворение «Зимняя дорога» Пушкина. Но ведь он не может говорить.

Stress. Акцент.

Tardation. Замедление.

Нет, он выучил свой урок. Вчера, придя домой после школы, он честно открыл книгу и запомнил каждое слово. К сожалению, понимал он далеко не всё. Некоторые выражения были ему незнакомы, а значение других таинственным образом ускользало от него. Тем не менее он наслаждался и восхищался стихами, он будто слышал голос поэта в своей голове, он прожил и прочувствовал каждую строфу, каждое слово.

И всё бы хорошо, но кроме того, чтобы запомнить стихи, их надо было произнести с чувством, с расстановкой. При всех! И вот здесь у Димы Волчкова, ученика 6 «Д» класса городской школы № 17, появлялась серьёзная проблема.

– Волчков, к доске!

Он выходит и поворачивается к классу. На дальних партах кто-то хихикает, кто-то положил голову на вытянутую руку и спит, прикрывшись учебником, кто-то пишет, кто-то рисует, кто-то перешёптывается. С десятков пар глаз смотрят на него. Среди них и её глаза: две прекрасные и таинственные изумрудные вселенные.

Он наскоро проговаривает стихи у себя в голове. Волна поэзии захлёстывает его, он набирает воздух в лёгкие и... издаёт нечленораздельное бульканье.

Класс покатывается со смеху. Все, кто спал или занимался чем-то посторонним, теперь показывают на него пальцем.

– Ха-ха-ха!

– Он прямо как суп на плите – буль-буль-буль!

Дима краснеет и хочет провалиться сквозь землю.

Наконец вмешивается учительница:

– Так, класс, ротки закрыли. Волчков, попробуй-ка ещё раз.

– Н-н-н-но, Ир-ра-айд-да-а-а-Алекса-ан-д...

– Н-н-нё-о... – пародирует его белобрысый парень за третьей партой. Все снова смеются. Даже она, зеленоглазая Лена Смольникова, обладательница его сердца.

Да что с ним не так?!

Несколько секунд все неотрывно смотрят на очень худого, молчаливого, почти исчезающего в мешковатом синем свитере с белыми оленями мальчика со странными, взвихряющимися вверх и чуть вправо волосами.

В глазах Димы Волчкова блестят слёзы. Он прикрывает лицо рукой и выбегает в коридор, оставив дверь класса нараспашку.

Учительница, улыбаясь, медленно, с чувством и с расстановкой произносит:

– Вот видите, ребята, какой тяжёлый труд – поэзия.

Новый приступ хохота.

Но Дима его уже не слышит.

Stress. Акцент.

Acceleration. Ускорение темпа.

Это было спустя несколько месяцев после того случая.

Красное солнце раскалёнными когтями продиралось сквозь горизонт. Утро выдалось холодным, свежим и ясным. Им – ученикам всей параллели шестых классов – нужно было пробежать километр. Мальчики, одетые в одинаковые спортивные штаны и белые майки, выстроились на заднем дворе школы. Физрук, сорокалетний плечистый мужик с хриплым голосом и глазами навыкате, дунул в свисток, и они побежали.

Дима бежит.

Stress. Акцент.

В голове тысяча мыслей. Они мешают расслабиться, напрягают все мышцы в теле, взвинчивают нервы. Но вскоре они исчезают, как если бы в кувшине с гнилой водой кто-то проделал дырку и вся пакость вытекла наружу, освобождая пространство внутри.

Вскоре остались только звуки: удары кроссовок об асфальт, размеренное дыхание, редкие порывы ветра и бешеный стук сердца.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это же так легко.

Harmony. Гармония.

В тот раз ему не удалось прийти первым. Зато он попал в первую десятку, после чего его заметили и позвали участвовать в школьных соревнованиях.

Transition. Переход.

В седьмом классе он всё-таки решился подойти к Лене.

Он тщательно подготовился в тот день – постирал и погладил рубашку и брюки, сделал зарядку и даже позаимствовал у отца, из его письменного стола, чёрный флакон с духами. Чтобы найти заветный пузырёк, пришлось постараться – слишком много места в ящиках занимали пустые бутылки от дешёвого коньяка.

Чистый и надушенный, стоя перед зеркалом в ванной, Дима полчаса приводил в порядок волосы. Напрасная трата времени – вихры всё так же взвивались вверх и чуть вправо. Но, по мнению Димы, получилось неплохо.

И вот он стоит перед первой красавицей класса и хочет пригласить её в кино.

– Ле-е-ен, привет.

– Волчков? Чего тебе? – Зеленоглазая красавица с накрашенными ресницами посмотрела на него со скукой и пренебрежением.

– Ты-ы-ы... н-не-е...

Её глаза вдруг округляются, а навязчивый образ Диминых сновидений – мягкие губы – кривится в усмешке. Он тоже улыбается: наверно, Лену веселит его произношение. Но она смотрит ему за спину. Дима оборачивается – и видит того самого белобрысого парня, третья парта, ряд у окна. Пока они говорили, он стоял сзади и беззвучно передразнивал Диму. На лице у него расплылась самодовольная ухмылка.

Kick. Удар.

Дима бросается на соперника. Раздаётся девчачий визг. Разозлённому Диме прилетает удар локтем в живот. Он в ответ бьёт обидчика кулаком в челюсть. Противники яростно кувыркаются по школьному коридору, пока над ними не возникает Ираида Александровна со своим извечным шарфом с ненавистным ему узором. Много позже Дима узнает, что он называется «английская клетка Бёрберри».

– Что тут происходит? – спрашивает она. Голос дрожит от негодования и исполнен типично преподавательского чувства превосходства.

– Ираида Александровна, мы разговаривали с Олегом, когда этот урод набросился на него!

– Лена! – Учительница прерывает её и вопросительно смотрит на Диму.

– Так и было! Он просто набросился на меня! – жалуется белобрысый, потирая покрасневшую шею.

Дима хочет что-то сказать в своё оправдание, но замирает на полуслове.

Звенит звонок. Толпа учеников начинает редеть.

– Вы двое, – говорит учительница, – марш на урок! А ты, – презрительный взгляд в сторону Димы, – живо со мной в кабинет завуча.

Издательская улыбка Лены Смольниковой. Холодное лицо преподавательницы и её уродливый клетчатый шарф. Спина Лены, исчезающая в дверях класса. Скользкий паркет школьного коридора.

Beat. Пауза.

Acceleration. Ускорение темпа.

Вскоре он стал прогуливать школу. Вначале ему часто звонили домой, вызывали к завучу, угрожали исключить. Но после того, как его отец, очухавшись от запоя, пришёл в школу и высказал всё, что думает о системе образования, больше никто не мешал старенькому телефону семейства Волчковых мирно дремать на столе в прихожей.

В восьмом классе у Димы было тридцать процентов прогула. В девятом классе – шестьдесят. В десятый класс он так и не пошёл.

Transition. Переход.

Tardation. Замедление.

Дима Волчков жил в старом многоэтажном доме. Его бледно-жёлтый фасад выходил в переулок, а тыл, сросшись с другими безликими зданиями, образовывал с десятков дворов и двориков, соединённых тёмными сквозными арками. В одном из таких дворов Дима случайно встретил своих будущих друзей.

Однажды, когда он вместо школы в одиночестве блуждал по району, к нему подошёл незнакомый парень:

– Эй, пацан, мелочугой не выручишь?

«Пацан» покопался в карманах и сунул парню десять рублей, от чего тот сразу заулыбался:

– Спасибо, братишка.

Дима порадовался, что так быстро прошёл путь от «пацана» до «братишки», и собрался уже уходить, но парень внезапно добавил:

– Слышь, а я тебя знаю. Ты из двенадцатого?

Дима кивнул.

– Кипиша знаешь?

Дима покачал головой.

– Ты чё, язык проглотил?

– Не-е-ет. Не з-знаю.

– А-а. Ну ладно. Спасибо за монету, даром не пропадёт. Слушай, раз ты местный, приходи к нам на пяточок в шесть. Там и Кипиш будет.

Дима кивнул.

– А я – Белый. Ну, бывай.

Вот так и получилось, что Дима от скуки пришёл к «пяточку». Это было что-то типа двора со скамейками, где тусовались подростки со всего района. Стены домов, испещрённые граффити и тэгами, отлично гасили любые звуки, скамейки и обрезанные чахлые тополя обеспечивали уют, а три сквозных прохода – возможность при случае драпануть. Идеальное место.

Белый стал личным Диминым гидом в этом новом захватывающем мире. Он был старше всего на три года, а выглядел так, словно ему стукнуло тридцать. На его массивном черепе с редкими белёсыми пятнами вместо волос виднелись подозрительные отметины. У него были

чёрные ногти на руках, самодовольная ухмылка, а на левой щеке – рваный шрам. Говорил он громким хриплым голосом и постоянно похабничал.

Его дружки тоже были ребята не промах. Иногда они отлучались в подъезды, а когда возвращались, то на их губах играла глупая улыбка, речь ускорялась, а зрачки напоминали два тёмных пустых колодца. Этим парням и девушкам далеко было до совершеннолетия, но развлекались они совершенно без тормозов.

Диму воротило от алкоголя. Наблюдая за тем, как отец каждый день напивается, он поклялся себе: «Ни за что на свете не стану таким же». Но вот сигарета скоро стала для него естественным продолжением руки. Дима и сам не заметил, когда успел так привыкнуть к маленьким оранжево-белым палочкам. Из-за этого он чувствовал себя слабаком, но остановиться уже не мог.

Он всё чаще ходил «потусоваться» на пятак и всё реже удостаивал своим присутствием школу.

В школе его никто не понимал. Единственным местом, где он не замыкался в себе, стал физкультурный зал, а единственной отдушиной – бег. Это приносило спасительную пустоту. Но стоило Диме остановиться, как его засасывала Зона Отчуждения. Друзей в школе он завести не сумел. Даже его соседка по парте за несколько лет едва ли сказала ему пару слов. Он был обречён стать изгоем.

А вот с проблемными ребятами на «пятак» сойти оказалось нетрудно. Они сами были изгоями и поэтому сразу угадали в Диме родственную душу. Правда, он ни с кем не откровенничал. Даже если бы захотел, не смог. Дима молчал, скалился над очередной сальной шуткой Белого, целовался с пьяными девицами из двора и курил сигарету за сигаретой, всматриваясь в беспросветное небо, на котором едва ли можно было разглядеть далёкие звёзды.

Stop! Стоп!

Acceleration. Ускорение темпа.

Эскалатор уносит цепочку людей всё ниже и ниже. Эта станция считается одной из самых глубоких в мире. Дима откидывает со лба упавшую прядь волос и морщится от воспоминаний. Вся эта круговерть случайных сцен напоминает безумие.

Резкий выкрик слева – пьяный спор между плечистым таджиком и небритым мужиком в спортивных штанах.

– И чего будет??? – орёт мужик.

Freeze! Замри!

– И где ты был??? – орёт неменяемый отец, когда Дима вваливается в прихожую, еле держась на ногах.

В тот день они с ребятами сидели у одного товарища на квартире. Там Дима попробовал кое-что новое. Под смешки парней он вдохнул глубоко – и вначале не почувствовал ничего, но затем *это* началось. Сперва он ощутил небывалую лёгкость и уверенность в себе. Казалось, весь мир, словно наливное яблочко с дерева, вдруг подкатился к ногам, ожидая, когда у парня наконец хватит решимости его подобрать. Всё стало так просто, понятно. Планы казались легко осуществимыми, а дорога жизни ясно расстилалась впереди. Оставалось только сделать первый шаг... Но вдруг закрутились-завертелись мрачные набережные, оранжевые огни и тёмные переулки, бесконечные разговоры обо всём и ни о чём сразу, обрывки фраз, откровения... Всё это кружилось в злобещей пляске, а Дима зачем-то шёл всё дальше и дальше.

В конце прогулки на его лице застыла глупая улыбка. Ему казалось, что он понял всё на свете, хоть он и не мог припомнить ни одного слова, ни одной мысли из своих ночных прогулок.

И вот Дима вернулся домой, с пятого раза повернул ключ в замке и, смеясь, ввалился в неосвещённую прихожую. С трудом нащупал выключатель и скинул грязные стоптанные крос-

совки, далеко не сразу заметив плечистого мужчину с неряшливой бородой, возникшего над ним внезапно, словно грозовая туча.

– ГДЕ ТЫ БЫЛ?

Молчание.

– Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ, ГДЕ ТЫ БЫЛ?

Молчание.

– СЕЙЧАС ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА, ГДЕ ТЫ БЫЛ?

– Да ка-а-кое тебе дело? Тебя не ждёт гора Ар-р-рарат?

Мужчина молча подходит к сыну. Тишину разрезают три звонких, хлестких удара. Щёки моментально розовеют, а два тёмно-синих овала обретают осмысленность. Исчезает зловещая пляска огней. Им на смену приходит ярость.

Поймав взгляд сына, отец моментально протрезвел и обнял его. Из глаз отца катились слёзы, он гладил Диму по спине и по волосам.

– Прости, прости, прости меня. Я не знаю, что творю.

Дима кивнул, с отвращением отмахнулся и ушёл в свою комнату. Эйфория испарилась, силы тоже куда-то делись. Теперь его знобило, а сердце стучало так, будто хотело проломить рёбра. К горлу подкатывала тошнота.

Дима лёг и закрыл глаза.

С отцом они ещё месяц после этого не разговаривали.

Acceleration. Ускорение темпа.

Дима бежит. Вдоль набережных, мимо деревьев, по замёрзшим паркам, вдыхая холодный ветер с залива. Он меняет темп бега: быстро, медленно, очень быстро, словно метеор, бег на месте, бег вверх-вниз по ступеням и мостам, бег на пятках, бег на носках.

Только в эти мгновения полного напряжения воли и мышц он чувствует себя свободным, почти счастливым. Первые шаги даются с трудом, но вскоре кровь несётся по венам быстрее, а на душе становится легче. Ко второму километру на лбу и висках выступают капли пота. К пятому в теле появляется ощущение невесомости. После часа непрерывного бега невозможно остановиться. Приступ эйфории на пятнадцатом километре.

Зрачки с луну. Дыхание ровное. Люди, здания, машины, фонари – всё пронесётся мимо. Затем снова дверь подъезда, снова пьяный отец, снова Зона Отчуждения размером с галактику. И снова миллион навязчивых мыслей в голове, и ненависть, ненависть, ненависть.

Noise. Шум. Noise. Шум. Noise. Шум. Noise. Шум.

Beat. Пауза.

Transition. Переход.

Дима опять разговаривал со сфинксом. Розовато-серый сфинкс, вместе с братом-близнецом несущий свой вечный дозор на набережной, – единственное существо, кому он мог довериться в этом мире. Дима приходил к нему, стоял около его массивной лапы и вёл нескончаемый мысленный диалог с куском камня. Или монолог?

Он рассказывал сфинксу о своих печалях, об отчуждении, о мечтах, а тот внимательно слушал и никогда не перебивал. Идеальный собеседник. С его братом отношения у Димы как-то не заладились.

В тот день он снова пошёл в сторону набережной. Вдоль дороги текла небольшая речка с тёмно-зелёной мутной водой, в которой, словно запутавшись в клейкой патоке, тяжело и беспокойно передвигались грязно-серые утки. Дома, дома, провода. Тяжёлые облака. Пустырь. Парк. Завод.

Завод. Старый заброшенный завод, куда Дима несколько раз лазил в детстве. Раньше здесь изготавливали что-то из железобетона. Отец даже проходил тут практику. Он рассказывал Диме об этом месте. Давно, когда они разговаривали.

Длинные ржавые покорёженные балки, грязные контейнеры, полуразрушенные и покинутые цеха. Всё железобетонное давно растащили на металлолом предприимчивые люди. Осталось только битое стекло, использованные презервативы, выброшенные шприцы. И музыка.

Музыка?

Музыка!

Stress. Акцент.

Drum. Барабан. Drum. Барабан. Drum. Барабан.

Drum. Барабан.

Base. Басовая партия.

Trumpet. Guitar. Horns. Трубы. Гитара. Духовые.

Stress. Акцент.

Он действительно слышит музыку!

Из недр покорёженных цехов, разрывая забвение в ключья, гремит неумолчный ритм. Стены трясутся от рокота басов. Звенят весёлые струнные, отражается эхом рифмованный речитатив. Скрип кроссовок. Задорные возгласы. Смех.

Дима замирает на полушаге, разворачивается, перелезает через ограду и медленно идёт на звук. На зов.

Он видит просторный, пыльный цех с дырами в потолке. Прямоугольный магнитофон, кусок линолеума шесть на шесть метров и силуэты в ярких одеждах, которые выделывают под музыку фантастические кульбиты.

Во все стороны бьют волны энергии.

Всё вибрирует.

Change of level. Смена уровня.

Next level. Следующий уровень.

Step 2. Foundation. Основа

Не важно, что такое жизнь. Основа – первое, что ей необходимо. У тебя должна быть основа... вне зависимости от того, веришь ли ты в Бога, обезьян, космическую пыль упавшей кометы, всё это где-то зародилось. Всё это началось с чего-то. И плевать, была ли это идея, или микроэлементы, или семенная жидкость, или что-то ещё. Мы всегда с чего-то начинаем. Именно это и есть основа. Если у тебя нет основы, ты просто не сможешь существовать. Вот как я себе это представляю...
Waaak One

Tardation. Замедление.

Более всего в трёх силуэтах Диму поразили сам характер движений – молниеносно быстрых, чётких, как высокое разрешение, отрывистых, словно удары кнута, но в то же время пренебрежительно-дразняще-ленивых и плавных, текучих, бесформенных, как вода. Фигуры то застыли скульптурами в напряжённых статичных позах – фризах, то, вдруг превращаясь в дервишей, взрывались потоком неожиданных финтов, которым Дима не мог подобрать описания.

Но связывал весь этот поток воедино ритм – биение пульса, каданс и требовательный зов. Нить всей истории.

О чём рассказывала эта история? О ледяном спокойствии и об огне восторга, о любви и ненависти, об испытаниях и наслаждениях, о боли, страсти, пороке и выживании. О силе духа и насмешке над проблемами. О слабости и горечи утраты. О нас с вами и о людях в целом, о забавных происшествиях. О чьих-то мечтах, о далёких местах, о прекрасном и об уродливом. Но более всего эта история воспевала гимн свободе, свободе самовыражения, свободе творчества, которой уступают дорогу даже неумолимые законы физики.

Harmony. Гармония.

История эта была бесконечной. Стоило лишь одному силуэту сменить другой на танцполе, передав эстафетную палочку усмешкой ли, словом, лёгким касанием либо провокационной выходкой, как перед сторонним наблюдателем разворачивался новый рассказ, новая песня, новая ода движению. И невозможно было оторвать глаз от этого гипнотического процесса – симбиоза музыки и души, застывших в потоке бесконечных превращений.

Stress. Акцент.

Постепенно в его глазах чёрным волчком закрутился водоворот восторга.

Stress. Акцент.

Дима восторгался этим уникальным гипнозом, миром бесконечной свободы, источником саморазвития, путешествием к недостижимому идеалу... Всё это взяли на себя смелость назвать два звонких отрывистых иностранных слова, калькированные русским языком и соединенные хлыстом-дефисом вместе, – брейк-данс.

Stress. Акцент.

Change of level. Смена уровня.

– Не брейк-данс, – позже объяснял ему первый. – «Брейк-данс» – название, придуманное обывателями и СМИ, которые никогда ничего не понимали в истории. Правильнее говорить – «би-боинг» или «брейкинг». Би-боинг – вот чем мы занимаемся. Так изначально называлось то, что делали би-бои – то есть те молодые парни из Бронкса и Бруклина, что нашли на каких-

то помойках грязные куски линолеума, вынесли их вместе с мафоном на улицы, в подъезды и парки и стали крутиться на спине, голове и дёргаться, «качаться» под «ломаный ритм».

– А теперь у нас кто-то занимается би-боингом, а кто-то пустой болтовнёй, как Псих... – с хохотком вклинился в беседу второй, на что говорящий показал ему средний палец. – Если собираешься быть «в теме», нужно шарить, – добавил он голосом сенсея из азиатского кино.

– Не обращай внимания. У него с башкой не всё в порядке ещё с детства – его колыбельку прямым из роддома подкинули в ночной бар-клуб...

– Слы-ышь!

– Но тут он попал в точку. Так, идём. Давай, встань здесь, я покажу тебе, что это такое на деле. Запоминай основы хоряги – вначале идёт семь счётов, а затем акцент...

Stress. Акцент.

И Дима запомнил это и многое другое из того, что говорил ему Псих – капитан брейк-данс-команды «Дечи Белл», состоящей из триады постоянных членов, а также эпизодически из множества других удивительных личностей.

Change of level. Смена уровня.

Tardation. Замедление.

Но тогда ничего не было важнее трепетного восторга, который Дима испытал, тайком наблюдая за тремя силуэтами, танцевавшими под ломаные ритм-секции в здании заброшенного завода.

Высокий, без грамма лишнего веса, поджарый и свежий, как огурец с грядки, Псих сидел на корточках в майке-борцовке, спортивных синих штанах и красных кроссовках Adidas на тонкой подошве. На его жилистых руках и открытой части спины резко бросались в глаза пестрящие яркими цветами татуировки. Самая заметная из них, набитая на лопатках, изображала крылатую музу в брейк-данс-интерпретации: весёлая, мускулистая, сексуальная девушка с изящными крылышками застыла в искривлённой стойке, именуемой теми, кто «в теме», – айрчейр-фриз. Другая татуировка состояла из двух рисунков и надписей – по одной на каждой руке. Правую руку опоясывал какой-то античный браслет и изображение осциллограммы, под второй же серебрился небольшой колокол-звонок.

Stress. Акцент.

Психу также добавляли эксцентричности его косички, которые спускались от затылка к спине, попутно раскрашиваясь в синий, зелёный, розоватый и фиолетовый цвета, и запутывали в себе всевозможные маленькие предметы, вроде каких-то перьев, колец, ключиков...

Внимательно рассматривая всё это, Дима пришёл к ошибочному выводу, что молодой человек получил своё прозвище явно неспроста. Ошибочному, потому что спокойствию и уравновешенности, свойственным основателю команды, могли бы позавидовать даже на симпозиуме детских хирургов.

А вот кто был настоящим психом – это второй силуэт, назвавшийся просто Кот. Позже Дима услышит словосочетание, которое отлично его описывало, – танцор-зажигалка. Когда в зале рядом с тобой находился такой человек, тренировка никогда не проходила скучно. О нет, она могла бы стать очень утомительной, но точно не скучной! А если таких людей в зале собиралось больше одного, то можно было просто садиться и получать удовольствие от бесплатного представления. Они воодушевляли друг друга и всячески развлекали толпу и самих себя.

Кот всегда зажигал всех вокруг – это было дано ему от природы, сквозило в голосе, движениях, поведении, даже в его улыбке с этакой хитрецой в глазах. Однако это вовсе не обусловливалось внешностью – ну каштановые волосы до плеч, ну спортивное телосложение (как и у всех би-боев), средний рост. А еще изогнутые в постоянной иронии брови, усмешка правым уголком губ и, конечно, извечный блеск в ореховых глазах... Неуёмная энергия и сверхгипер-

активность. Было совсем не удивительно, что фризы поддавались Коту с наибольшим трудом, ведь он и секунды не мог простоять на одном месте.

А кто же третий? Третья! Она поразила Диму более всего.

Это была девушка. Но не та девушка, которую можно просто так увидеть в метро или же в парке в летний день. То есть, конечно, можно, но это была бы не совсем она. По-настоящему увидеть её вы смогли бы только в зале, перед зеркалами или на джеме, баттле, либо же, как сейчас, в антураже заброшенного завода, танцующей под яростные удары барабана. Именно тогда в её глазах появлялся знакомый друзьям по команде опасный блеск. Она была быстрее, ловчее, сильнее обычной девушки. Одним словом – би-гёрл.

У неё были волосы оттенка меди, веснушки на щеках и янтарные глаза. Её звали Вика, но друзья называли её Солнышко. По стилю и навыкам она не уступала мальчикам, а часто и превосходила их. Вика подрабатывала в одном китайском ресторане официанткой, а всё свободное время посвящала брейкингу. Она черпала в нём вдохновение, уверенность и силу. Она легко могла бы сломать нос тому, кто вдруг забывался и начинал к ней приставать, при этом нисколько не растеряв своей природной женственности. Именно из-за этого многие её откровенно побаивались.

Кот всегда шутил, что Вика – это огненная элементаль, а не человек из плоти и крови. Этими сравнениями он не на шутку её злил. А когда она злилась – всё, караул! Тут могла помочь только изрядная доза транквилизатора или же их третейский судья – Псих – единственный человек, кто мог умерить её пыл, осадить Кота, расставить все точки над *i*, воззвать к разуму, спокойно и доходчиво объяснить каждому, почему ему сейчас вовсе не обязательно вести себя как ребёнок.

Но даже когда троица ссорилась, всё равно вскоре становилось яснее ясного, что это не серьёзные распри, а так, милые бранятся. Ведь все трое, несмотря ни на что, оставались верными товарищами, связанными годами крепкой дружбы и общим делом. Семьёй, которую они сами выбрали. Их было бы невозможно оторвать друг от друга даже клещами.

Вот что представляли собой три силуэта, захватившие внимание Димы.

Change of level. Смена уровня.

Боясь даже дышать, он спрятался за стеной завода, наблюдая за невиданным ранее представлением.

– Тухло, Жень, переключи! – Голос огненно-рыжей девушки, замершей в полушпагате, отразился эхом от дырявых бетонных перекрытий.

– Сама тухлая, – отозвался парень с каштановыми волосами в майке с логотипом команды.

– Так, стоп. У нас номер на завтра ещё не готов. Что с синхронном?

– С этим? – Кот изобразил несколько похабных движений.

– Вот же дебил!

– Эй, смотрите, там кто-то шпионит за нами! – Похоже, Дима высунулся из своего укрытия слишком далеко.

– Ха! Кому-то тут нравится подсматривать? – с усмешкой отозвался Кот.

– Эй, там, иди-ка сюда!

Вот так Дима впервые и познакомился с командой «Дечи Белл».

– Саша, Псих, – коротко сказал ему Псих.

– Потому что он ненорма-а-альный, вот настолько! – Кот проиллюстрировал свою мысль, встав на голову.

– Как тебя зовут? – спросила рыжая.

– Д-д-дима.

– А я Вика, очень приятно. А этот придурок – Кот.

– Сколько тебе лет, Дима?

– П-пят... надцать.

Саша и Вика терпеливо ждали, пока он перестанет заикаться, чем сразу же заслужили его безграничное уважение. Мало кто дослушивал Диму до конца. Большая часть людей либо предпочитала игнорировать его, либо брала себе за правило заканчивать его фразы.

– Чт-т-то в-вы д-д-делаете?

– Как что? Танцуем рэп на голове. Это очень весело. Твою ж мать! – Кот упал из стойки.

– А ты что тут делаешь, Дима?

– П-п-просто п-проходил мимо...

Дима отвлёкся, засмотревшись на шатена, который теперь снова стоял на голове и, опираясь одним локтем на оргалит, пытался продеть правую ногу через кольцо, образовавшееся от соединения его правой руки и левой ноги («продевания – вид футворка, зародившийся в Торонто», – позже расскажет и покажет Диме Псих). Сделать подобное движение было даже сложнее, чем его описать. Тем не менее Коту это удалось, да ещё он поймал в музыке момент с акцентирующим звуком. Это выглядело очень зрелищно и необычно.

– Всё-таки с пяти тысячной попытки смог, – поддела его Вика.

– Терпение и труд! А ты не завидуй, – не остался в долгу Кот.

– А м-можно м-мне с вами?

Transition. Переход.

Tardation. Замедление.

Пока было лето, ребята из команды «Дечи Белл» предпочитали тренировать на открытом воздухе. «Нужно гасить там, где всё начиналось, к чёрту удобные залы и мягкие маты». Кроме завода в городе оставалось немало других секретных точек, где троица упарывала свои кроссовки. Но именно завод стал их излюбленным местом для тренировок – к счастью для Димы.

Сколько же он всего понял и узнал только за одну неделю тренировок! Псих обладал прямо-таки энциклопедическими знаниями о хип-хопе. Вскоре Дима узнал про пять его столпов: граффити – уличное искусство рисования, эмсиинг – первичный бульон всех современных рэперов, диджеинг – мастерскую звуков, битбокс – искусство производить звуки без помощи техники и би-боинг – как визуальное и танцевальное воплощение этой философии. На него вдруг обрушилось множество иностранных названий, странных слов и имён, от которых веяло чем-то загадочным и интригующим: джемы, баттлы, бёрнсы, гелики, бочки, фризы, топрок, футворк, пауэрмув, сикс-степы, твисты, кики, суициды, глайды, слайды, хэдспины, бэкспины... вау! Его словно накрыло волшебной волной.

Правда, в начале Дима по большей части просто восхищался мастерством ребят и только изредка выполнял несколько элементов, пока ещё стоя на ногах, ужасно при этом стесняясь. Но здесь никто над ним и не думал смеяться.

Много он узнал и о своих новых друзьях. Саша начал заниматься в конце восьмидесятых. Он видел, как хип-хоп зарождался ещё в СССР, и уже вскоре преподавал в нескольких танцевальных студиях, в том числе общую физподготовку и основы хореографии. Сейчас ему было уже под тридцать, он несколько лет назад женился и всё своё время посвящал семье и брейкингу. Ещё он увлекался граффити и сам делал рисунки на одежду для членов своей команды. В его рюкзаке всегда можно было найти баллончики, альбомы для рисования и кисточки, а однажды он даже притащил на завод настоящий мольберт и краски, заставив Кота пять минут стоять во фризе, что само по себе было ещё тем подвигом.

Женя был его полной противоположностью – абсолютный, прирождённый и неисправимый бездельник. У него даже нашлось альтернативное прозвище – КТ, что означало Кругло-суточный Тусовщик.

Клубы, вечеринки всю ночь напролёт, фесты, тусы, опенэйры и концерты – казалось, без его озорного смеха и громкого голоса не мог обойтись ни один сабантуй в городе. Чем он зарабатывал себе на жизнь, оставалось для Димы загадкой. То ли подхалтуривал ведущим каких-то мероприятий, то ли играл на уличных бонго, то ли выступал где-то, то ли всё сразу. Тем не менее Кот никогда не позволял себе пропускать назначенные тренировки, даже если для этого приходилось после двух бессонных ночей несколько часов кряду «долбить» одну и ту же комбинацию элементов («рутину») для выступления. Он, как и Вика, был одним из самых способных учеников Психа, который остался «в теме» навсегда.

Дима сразу понравился Психу своей немногословностью и внимательностью. «Стоило бы тебе поучиться у него кое-чему», – сказал Коту капитан «Деци Белл».

Вике и Жене Дима тоже понравился. Это чувство было взаимным.

А ещё Дима однажды узнал, что кроме товарищества и общего дела членов команды объединяла мечта – выиграть крупное международное соревнование команд по брейкингу и тем самым прославиться. Ради этого они тренировались сутками напролёт, растягивали мышцы до предела, доводя свои тела до изнеможения, шлифовали одни и те же фишки, отрабатывая движения и прокачивая стиль. Но, по словам самого Психа: «До этого нам ещё мечтать и мечтать».

Хотя уровень мастерства у ребят был довольно высокий, они пока оставались лишь очередной командой профи среди множества других. В Санкт-Петербурге числилось немало действительно мощных, а местами даже легендарных крью, со многими из которых у «Деци Белл» сложились непростые отношения. Диме ещё предстояло узнать, насколько неоднозначен мир брейк-данса.

Transition. Переход.

Больше всего движения танцоров брейкинга напоминали Диме игрушки-перевёртыши. Димин папа, в прошлом главный инженер строительной фирмы, показывал ему, как делать подобные штуки, и Дима частенько от нечего делать мастерил их сотнями, подобно тому как некоторые от скуки складывают оригами. Затем, получив в своё распоряжение с десяток штук, он пускал их в ход и наблюдал, как игрушки одновременно начинали движение, словно солдаты на марше. Ему всегда нравились вещи, которые двигались не так, как обычно. Казалось, они обладали своим уникальным духом, заставляющим их сопротивляться законам физики. Вот перевёртышей, например, он представлял как улыбающихся маленьких человечков, весело напевающих какую-нибудь фривольную песенку в такт своим переворотам.

Ага. Как же. При таких движениях последнее, что придёт тебе в голову, – петь. Тут бы успеть вздохнуть.

Как же это было сложно! Даже примитивные базовые движения – индиан-степ, вариации топрока, сикс-степпы, простейшие тартлы и беби-фризы – всё требовало отточенных навыков, силы и умения управлять своим телом, чем Дима едва ли мог похвастаться. О контроле речь вообще не шла. К тому же, выучив какое-нибудь движение, надо было ещё умудриться сделать его в такт непредсказуемой и стремительной музыке. А она не ждала никого и ничего.

– Не пытайся угнаться за музыкой, – говорил Псих. – Пока просто делай движение чётко, в своём собственном ритме. Старайся подольше и понапряжённее стоять во фризах, а топрок и футворк учи квадратами: одно движение влево, одно вправо. Затем ещё, ещё и ещё. *Repetitio est mater studiorum*². Повторяй, пока не почувствуешь себя комфортно, а затем повтори ещё тысячу раз.

Дима лишь чувствовал себя идиотом. Особенно в сравнении с тем, что вытворяли они! Он, конечно, ещё недостаточно знал и умел для того, чтобы оценить танцевальный уровень своих знакомых, но подозревал, что ему до них как до Парижа на каблуках. Его движения были

² Повторение – мать учения (*лат.*).

слишком деревянными и угловатыми, а движения ребят струились свободным и естественным потоком комбинаций.

– Да ты не слушай Психа, танец в первую очередь нужно чувствовать. Это не просто набор движений, а музыка и ритм. Качай в такт башкой, лови волну и вперёд! – советовал Кот.

Но как прочувствовать, если ритм постоянно норовил оставить его в дураках, утекал сквозь пальцы, вызывая лишь раздражение?

– Поработай над гибкостью и различными группами мышц, это значительно расширит твои физические возможности. Делай шпагаты, стойки, растяжки рук, спины, шеи и всего остального, – так звучали советы от Вики.

– Особенно всего остального.

Шуточки никогда не выходили из репертуара Кота. Надо сказать, от этого Дима сам начал смеяться и уже не так сильно переживал насчёт своей «деревянности». А тем временем тренировки заполнили всю пустоту его жизни.

Stress. Акцент.

Или так только казалось? Ведь как, по сути, жил он в то время? Каждый день вставал, заправлял постель, чистил зубы, готовил себе завтрак, убирал оставшиеся с ночи бутылки, шёл на пробежку, чтобы не разговаривать с отцом, гулял весь день по району, изредка заглядывая на пяточок к старым знакомцам, а вечером возвращался домой, брал список покупок, деньги, оставленные ему в прихожей, приносил из магазина продукты, снова готовил еду, ужинал, чистил зубы, односложно отвечал на вопросы отца о своём дне, желал спокойной ночи, запирался у себя в комнате и, не в состоянии уснуть, бесконечно и болезненно рефлексировал, пока наконец усталый разум не тонул в абстрактных снах.

Только лишь четыре дня в неделю Димина жизнь играла яркими красками – когда навязчивые голоса в голове заглушала музыка и весёлый смех, когда подпрыгивали мелкие камни и галька в цеху заброшенного завода, а после тренировки приятно болело тело и отдыхал мозг.

Но в остальном пустота продолжала следовать за ним по пятам.

Transition. Переход.

Однажды, когда Дима со спортивной сумкой, бодрый и свежий, в радостном ожидании пришёл на обычное место встречи с командой, цех был пуст. В тот день июль раскрасил мир вокруг ярким солнцем, но весь этот свет тщетно пытался пробить холодный железный потолок заброшенного завода. Дима сел на какую-то балку, затем встал и в течение часа рассеянно выполнял ряд коротких упражнений в абсолютной тишине. Затем, осознав, что сегодня никто не придёт, тоскливо поплёлся в сторону дома.

Acceleration. Ускорение темпа.

Грязная рука протягивает ему горящий кусок «Беломора», от которого идёт чуть сладковатый запах. Лёгкие наполняются дурманящим дымом, а мозг отключается. Чьи-то лица, злые усмешки хаотично мелькают по сторонам. Кого-то выворачивает наизнанку около скамейки. Не его. Но его тоже выворачивает.

Какой-то тёмный подъезд. В него впиваются чьи-то губы. Тяжёлое дыхание, боль и усталость. Головокружение, беспомысленность, забвение.

Acceleration. Ускорение темпа.

– Нам нужно серьёзно поговорить о твоей жизни, Дима, – произносит знакомый тихий голос. – Мне не нравится та дорога, которую ты выбрал.

Отец сидит на его постели, смотрит на стонущего подростка.

– Д-да? Иду по т-твоим с-стопам, пап-па.

Звонкая пощёчина.

– Может быть, я и плохой пример для подражания, но в твоём возрасте я готовился к поступлению в университет, много читал и не пьянствовал в компании неизвестно кого.

– Да отстань ты. Я б-был с друзьями.

– Знаю я этих друзей – дворовое отребье, которое тебя принесло вчера. – Вздох. – Я не хочу ссориться, просто подумай о том, куда катится твоя жизнь. Маме было бы за тебя стыдно.

Гнев. Он хочет наброситься на отца, ударить его, причинить боль, вцепиться в него зубами, но... слабость в теле не даёт этого сделать. Мгновение... Вспышка проходит, а в душу проникает беспощадная боль совсем иного рода.

Слёзы. Он кивает отцу и отворачивается к стенке.

Change of level. Смена уровня.

– Ты что, Ди-имка, со-о-овсем зазна-а-ался, не признаёшь лучших друзей? – осклабился Белый, случайно встретившись с юношей на улице недалеко от завода.

Дима молчит.

– Не звонишь, не пишешь, не приходишь, совсем важный стал?

Дима молчит.

– Эй, а ну отвечай, когда с тобой разговаривают! – Грязная рука хватается его за плечо.

Kick! Удар!

Дворовый знакомец отлетает на несколько метров. Недобрая усмешка змеится на его лице.

– Ты об этом пожалеешь, заика чёртов.

– Б-бояться уж-же? Или до з-завтра п-подождёт? – В глазах Димы загорается опасный огонёк.

– Ну ты прямо сейчас по роже схватишь, недомерок!

Две фигуры застывают, готовясь наброситься друг на друга. Диме жарко и душно от злости. Вдруг со стороны завода дует прохладный ветерок и раздаётся знакомый голос, в котором, тем не менее, слышатся нотки раздражения:

– Ну и что? Долго тебя ждать?

Это Псих. Он был недоволен, потому что приглашённый на свой первый джем подросток задерживался. А если что-то и могло вывести Психа из равновесия, так это когда люди не держали своих обещаний. Белый, разглядев рослую фигуру говорящего, быстро поумерил пыл.

– Свидимся, приятель, – каркнул он и испарился.

– И что это такое было?

– П-прости...

– Ладно, нет времени, погнали. Нас тут товарищ ждёт неподалёку.

Они проходят по набережной, заворачивают за угол, проскакивают насквозь пару непримечательных двориков и попадают на проспект, где им сигналиит зелёная «девятка». Внутри неё уже ждали Кот с Викой, а также друг Саши – очень коренастый, невысокий щетинистый мужичок лет сорока.

– А побыстрее никак? Целый час сидим!

– Не преувеличивай. От силы минут пятнадцать.

– Всё. Едем.

Дима и Псих сели к Коту на заднее сиденье, и машина рванула на джем.

Transition. Переход.

Что же такое джем? Нет, это вовсе не варенье, как могло бы показаться, а своеобразная площадка или даже трамплин для совершенствования, в том числе совершенствования навыков выступления. А выступают на джеме и перед друзьями по команде, и перед обычными зрителями, и перед такими же танцорами, среди которых порою можно встретить профессио-

налов своего дела, а то и вовсе легендарных личностей. Но, помимо всего прочего, джем – это праздник танца и движения, а поэтому его двери открыты для всех, независимо от цвета кожи, пола, возраста или вероисповедания.

Иными словами, джем – это именно то место, где танцор за несколько долгожданных минут или даже секунд показывает свой максимум. Все движения, все бесконечные часы перед зеркалом, ссадины, синяки, растяжения и боль в мышцах здесь обретают смысл.

Джем в контексте би-боинга – отдельная история. Поскольку брейкинг зародился в неблагополучных районах Нью-Йорка, он имел соревновательный и даже опасный характер. Для танцоров брейк-данса не было устоявшихся правил. Существовали банды, полукриминальные группировки, в которых попадались танцоры, практиковавшие брейкинг. Нередко танцевальные схватки и вовсе заканчивались драками или даже стрельбой.

Псих как-то рассказал Диме про легендарного танцора – Резиновую Ленточку, одного из создателей верхнего стиля брейкинга – апрока. Как-то раз отцу-основателю на одной вечеринке приглянулась некая красотка. Она пришла на ту вечеринку с другим танцором. Резиновая Ленточка начал обхаживать девушку, спровоцировав спор, а затем – баттл, в котором девушка стала трофеем. Когда же победивший в баттле Резиновая Ленточка вышел на улицу со своей новой пассией, её униженный бой-френд несколько раз выстрелил тому в спину из пистолета.

Однако со временем апрок очистился от своего бандитского налёта. Он прочно вошёл в брейкинг в качестве набора движений, усиливающих эмоциональную составляющую танца. Его активно стали использовать на джемах.

В общем, баттл, схватка, состязание би-боев лицом к лицу – один из ярчайших аспектов брейкинга. Это, безусловно, не единственный важный момент, но именно баттл держит внимание зрителя, останавливает или учащает его дыхание и заставляет вскочить с места, зайдясь в громком восторженном крике. Ревёт толпа, звучит оглушительный и непредсказуемый ритм барабанов. Баттлы на джемах – обычное дело.

Transition. Переход.

Но баттлы могут быть разными, особенно в современном мире, когда брейкинг меняется прямо на глазах. Сейчас есть множество номинаций для би-боев. Самыми распространёнными остаются соревнования один на один и баттлы команд, которые судят обычно трое опытных и уважаемых би-боев. Но есть и другие, иногда очень интересные форматы и задумки: баттлы двоек, троек, по ограниченному количеству выходов (появлений участников на танцплощадке), персонифицированные («персоналити») баттлы, отдельные баттлы по каким-либо элементам и подстилям, неформальные и неожиданные баттлы-вызовы, баттлы среди профи и юниоров, среди би-гёрлз, смешанные баттлы, октагон и даже такая гибридная форма, как «7 to smoke». Конечно, здесь нужно понимать, что движения в брейкинге нельзя однозначно дифференцировать. Но большинство корифеев соглашается: существует некая «база», которую должен знать назубок каждый би-бой.

Никто никогда не составлял список «обязательных» элементов. Всегда были и будут разные подходы, взгляды и манеры выполнения движений у различных школ, известных команд и авторитетных би-боев. Каждый находит в танце что-то своё, что и делает его таким, какой он есть.

Би-боинг ко многому обязывает танцоров, которые должны выделяться из толпы, быть «не как все» и тем самым отстаивать своё право на уникальность, право делать собственный выбор и развивать свой неповторимый стиль. В целом противоречие мнений и представлений всегда и было «фишкой» самого брейкинга.

Transition. Переход.

Каким же был этот джем – Summer Break Jam 2007? Ежегодно он проходил в Санкт-Петербурге летом, в центре одного из крупнейших городских парков недалеко от Финского

залива. Весь день, начиная с одиннадцати утра и до заката солнца, идиллическое пение птиц и журчание фонтанов бесцеремонно прерывались громкой воодушевляющей музыкой в стиле фанк, соул и хип-хоп, а также бодрыми возгласами и звонкими аплодисментами.

На «Саммер Брейк» приезжали практически все профессиональные питерские команды, чтобы побиться за небольшой денежный приз, но чуть ли не в первую очередь – за уважение и аплодисменты толпы. Также в рамках тусы проходили баттлы один на один, и на отдельном танцполе – баттл для новичков. Именно в нем Диме и предстояло участвовать.

Пока они ехали в машине, Дима пребывал в отличном расположении духа, тем более все остальные его подбадривали. Ну, пожалуй, кроме Кота:

– Ты, главное, не заплачь на баттле и не убегай. Так делают только лузеры. Если что-то не получится, либо бей противника по лицу, либо падай в обморок, так потом не будет стыдно.

– Ага, как нам за твой последний выход на «Майской жаре», – вставила Вика.

– Так это ты отвлекла меня своей невероятной красотой! Ничего не мог поделаться, все комбинации сразу вылетели из головы.

– Сосредоточьтесь, – вмешался Псих. – Мы почти приехали.

– Да у них всё всегда организовано через одно место. Вот вы помните хоть одну тусу, где бы что-то началось вовремя? Если команды в двенадцать, то они не раньше двух начнут. Би-бои, блин... лучше организаторов просто не бывает.

– Значит, будет больше времени на подготовку. Такого позора, как в прошлый раз, быть не должно. – Псих злился, потому что на предыдущей тусе им не удалось даже пройти отбор.

– Да там музыка была отстой! Эй! Смотри направо – «степы» уже здесь.

Они подъехали и припарковались. Возле ограды парка прогуливалось множество стильно одетых молодых людей в тёмных очках и благодушных граждан в светлых рубашках. Несколько би-боев (это было очевидно по их одежде) доставали из внедорожника диджейские пульты, микшеры, колонки, сабвуферы...

– Это организаторы тусы. Чемпионы Питера, они тащат все джемы.

– И неудивительно, так как они же их и судят.

Дима вытаращил глаза. Около внедорожника в синих шортах, чёрной майке с логотипом Certain Steps и кепке «дальнобойщика» козырьком назад стоял среднего роста молодой человек. Его тело было настолько идеально, что это раздражало. Оно словно было срисовано с плакатов, рекламирующих спортивную одежду и здоровый образ жизни. Весь в татуировках, он стоял, облокотившись на крыло автомобиля в расслабленной позе, а его ослепительная улыбка то и дело попадалась на глаза проходящим мимо сексапильным девушкам, которые все как одна были с ним знакомы и подходили поздороваться. Другой, настоящий бугай с рельефными буграми стальных мышц, вытаскивал из багажника тяжёлые чемоданы с техникой для баттла. Его майка угрожала разорваться при каждом движении, а на её задней части граффити-шрифтом было выведено «Hulk». Под надписью красовалось зелёное тело и разгневанное лицо марвеловского супергероя. Ещё один би-бой сидел в машине и разговаривал по телефону.

Красивый парень подошёл к бугаю и что-то сказал ему в полушутливом тоне. Раздалось утробное клочкотание – это великан смеялся. Ехидно улыбаясь, молодой человек перевёл взгляд в сторону и, заметив машину, в которой сидели Дима, Псих, Кот и Солнышко, улыбнулся ещё шире. Псих и би-бой в синих шортах пару секунд смотрели друг другу в глаза. Затем последний, ни на секунду не прекращая улыбаться, кивнул.

– Вот же выпендрёжник! Так и хочется стереть эту само довольную ухмылку с его лица, – произнёс Псих с натянутой улыбкой без тени радости в голосе.

– А к-кто это?

– Это Артём Крашенников, «Краш». Один из лидеров команды Certain Steps, – процедил сквозь зубы Псих.

– В-вы зн-накомы? – поинтересовался Дима.

– Ха! Знакомы ли они с Крашем? – усмехнулся Кот. – Да они были раньше лучшими друзьями. Лет так семь плюс одно кидалово назад.

– Мы это не обсуждаем, – отрезал Псих и вышел из машины.

Дима и оставшиеся члены команды последовали за ним. Псих помчался по направлению к центральной площадке парка, откуда уже доносились залихватские трубы и развесёлое треньканье фанковой гитары. Товарищи едва поспевали за капитаном команды – тот явно был не в духе.

– А ч-что всё-таки слу-училось? – спросил Дима у Вики. Та вздохнула и переглянулась с Котом.

– Ладно. Если что, мы тебе ни слова не говорили. В общем, Саша с Артёмом знают друг друга давно – они вместе начинали тренировать, вместе ездили на тусы, делали рутинные выступления. А затем, когда Крашу предложили поучаствовать в шоу Certain Steps, он, хотя и знал, что у Саши с ними контры, ни слова не сказав, согласился.

– Вот только ты забыла, – добавил Кот с несвойственным ему серьёзным выражением, – что они были не просто в одной команде, а лучшими друзьями – проводили всё время вместе, тусовались друг с другом и всё такое.

– Да-а. А затем была ссора, я слышала, что вроде даже драка. В итоге Краш ушёл к «степам», а Псих начал формировать новую команду. А теперь Краш – один из самых крутых би-боев Питера, да и по России тоже. Так что сам понимаешь, какие у них отношения.

– Уже закончили сплетничать? – с жутким спокойствием поинтересовался Псих.

Вика красноречиво посмотрела на Диму.

Эпизод бы исчерпан.

«Дечи Белл» подошли к центральной площадке. Солнце искрилось в недвижимой кроне деревьев и радужных брызгах фонтанов. Жара заползала под рубашки и майки, рябила воздух вокруг. Бойкие женщины с тележками стояли в спасительном тенёчке зонтов и продавали мороженое. Все скамейки были заняты – народу набралось более сотни человек, и становилось только больше. На каменной площадке в центре парка, перед двадцатиметровой колонной-маяком, было организовано несколько танцполов. Играла музыка, на танцполе би-бои уже разминались и крутили пауэрмув. Их более опытные коллеги стояли в стороне, болтали со знакомыми и друзьями, предоставляя шанс молодым попробовать свои силы.

Вскоре появился эпси – ведущий тусы. Это был известный би-бой из Certain Steps – Мост (b-boy Most), обладатель звонкого голоса и умения разогревать толпу с помощью богатого набора шуточек и модных словечек.

– Йоу, йоу, йоу, дорогие мои ломаные друзья, вы уже готовы прокачать тусу и собрать клэпы толпы? Но мы ещё не готовы. Однако регистрация на крю и версус-баттлы для профи и юниоров объявляется открытой. Так что милости просим к нам на огонёк – только помните, мы за чистоту речи, а поэтому старайтесь избегать мата и явной похабщины. Поняли, нахрен? Ну-ка, сделайте шума!

Среди зрителей и участников поднялся восторженный, полный предвкушения рёв. Всё вокруг завибрировало.

– Ну что, Дима, готов? – спросил Псих.

И тогда Дима понял, что он совсем не был готов к этому. Наблюдая за всей этой публикой, состоящей сплошь из подтянутых и привлекательных девушек и молодых людей, которые все, как назло, были загорелы и самоуверенны, он почувствовал желание бежать.

– Назад дороги нет, – улыбнулся Кот, прочитав его мысли.

– Всё не так страшно, как кажется. Эх, помню я свой первый баттл... – мечтательно сказала Вика. – В начале только немного страшно, а потом меня не оторвать было от танцпола. Наслаждайся!

– Юниоры будут скоро, так что запишись пока. И затем приходи поддерживать нас в баттлах команд. В остальном же слушай, чувствуй и мотай себе всё на ус.

– Х-хорошо.

Дима оставил трио разминаться и прошёл по каменной площадке, жадно ловя каждое движение, каждое слово, каждый звук вокруг. Он обогнул центральную колонну и приблизился к импровизированному шатру, в котором на небольшом возвышении заседал главный кардиолог тусы – диджей. Здесь же сидел и вышеупомянутый эмси, оказавшийся при ближайшем рассмотрении приятным молодым человеком с карими глазами.

– П-привет.

– Здорово, парень! Первая туса?

Дима кивнул:

– Т-так заметно?

– Ничего себе, у тебя губы побледнели! Да не парься. Здесь никто тебя не съест. Кроме разве что Халка, но он неповоротливый, от него можно убежать.

– Я б-быстро бегаю.

– Ок, так как тебя записать?

А вот об этом Дима не подумал!

– Н-не знаю.

– Как это? Ты ещё не придумал себе никнейм? Это же первое, что нужно сделать. Ты у кого занимаешься?

Дима показал пальцем в сторону своей команды.

Лицо эмси изменилось.

– Вопрос снят! Ладно, давай запишем тебя пока что просто именем. А вообще, советую придумать себе танцевальный псевдоним.

– Д-дима.

– Окей, би-бой Дима, ты уже раз-два-три... седьмой в списке. Готовься, через минут сорок начинаем.

– С-спасибо.

Acceleration. Ускорение темпа.

Время вдруг сошло с ума. Людей становилось всё больше, а атмосфера всё раскалялась. Казалось, наэлектризовался сам воздух. Безумный ритм, прерываемый заводными и резкими разрывами-скретчами, звучал всё безумнее с каждой секундой. Стоять на месте – без шансов.

Диме надо было готовиться к баттлу. Но как? Всё, что он знал, – несколько базовых движений, парочка своих полуфишек-полузадумок, фризы с кривыми ногами. Наблюдая за другими би-боями, Дима быстро понял, как мало он на самом деле умел. Детский лепет по сравнению с тем, что происходило на импровизированных сценах-танцполах. А происходило там нечто невероятное.

Вокруг трёх кусков линолеума, расстеленных прямо на каменных площадках, как будто сами собой образовались круги. Они всё сжимались и сжимались по направлению к центру – арене бешеной пляски, центрифуге, где парила, летала, кружилась и зависала то одна, то другая фигура. Одни выходы сопровождались оглушительными криками толпы и хлопками, другие же проходили в относительной тишине. Дима никак не мог понять, как определяется очерёдность выходов участников, пока не осознал, что её не было. Просто тот, кто хотел и правильно ловил момент, врвался на танцпол, а далее начиналось ожесточённое состязание с барабанами, трубами, басом, другими таинственными электронными звуками, скретчем, но, по сути, со своим собственным телом и его страхом.

В какой-то момент Дима увидел, как в один из кругов вылетел Кот. Он загасил мощный топрок, ловко отыгрывая мельчайшие звуки и акценты в музыке поворотами, ударами и

жестами. Затем зашёл вниз, и подошвы его замшевых кед отчеканили сильные и слабые доли. Эффектным движением, которое Дима не раз видел на тренировках, Кот завершил свой выход, сорвав водопад хлопков, и скрылся в толпе. За ним на танцпол вышел другой би-бой. После Кота сразу стало очевидно, что у оказавшегося в центре внимания не хватало опыта в кругах: несколько хаотичных движений, попытка сразу же изобразить что-то зрелищное окончились неудачно, хоть и было видно, что выходы свои он знает.

«Круги – это тебе не зал. Заученные движения тут будут смотреться неестественно, их нужно оставить для баттла. Здесь играет роль импровизация, артистизм, музыкальность и уверенность в себе. Если хочешь прокачать эти навыки – танцуй в кругах».

Дима чувствовал, что ему об этом было рано думать.

Acceleration. Ускорение темпа.

И вот баттлы юниоров начались. По просьбе эмси толпа в кругу отошла на несколько шагов назад, освобождая место для будущей схватки. Одно за другим ведущий выкрикивал имена участников, а те становились друг напротив друга. Затем начинался сам баттл. Выигрывал тот, кто, по мнению судей, оказывался чётче, сильнее, ловчее, музыкальнее, стильнее, интереснее и вообще лучше. Среди соперников Димы были и дети, и взрослые, и даже один сорокалетний мужчина в очках, такого если встретишь в жизни, нипочём не догадаешься, что он вовлечён во что-то подобное.

После нескольких баттлов Дима почувствовал: вот-вот и ему придётся выйти в центр толпы, и все взгляды будут направлены только лишь на него.

Ужас! У него начали подкашиваться ноги, дрожать руки, а сердце застучало втрое быстрее.

– Итак, танцоры, пожмите друг другу руки. Готовятся би-бой Дима и би-бой Лекс.

Tardation. Замедление.

Он услышал свое имя и, продравшись сквозь толпу, занял позицию справа от судейской бригады. Чтобы отвлечься от нервного ожидания вступительного слова эмси, что тот говорил перед каждым баттлом – своего рода традиция, – он посмотрел на тех, кто сейчас будет его оценивать, и увидел три скучающие и хмурые физиономии: в баттлах юниоров редко можно было увидеть что-то действительно интересное для опытных танцоров.

Соперник Димы оказался блондином чуть выше и старше его, в красной шапке, синих спортивных штанах, белой майке и полностью чёрных кедах. На руке у него темнел напульсник, лицо было хмурое и уверенное – обязательная маска би-боя перед началом баттла. Дима же в тот день оделся в чёрную кофту с капюшоном, чёрные джинсы и белые кеды, таким образом создавая резкий контраст по цветовой гамме со своим противником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.